

«навык видения мультимедийного замысла» [5. С. 65], позволяющий ему уже на подготовительном этапе представить конечный продукт.

Литература

1. Что такое лонгрид? // Современная библиотека // URL: http://sbiblioteka.blogspot.ru/2014/11/blog-post_57.html (дата обращения: 14.09.2015)
2. Колесниченко А. В. Длинные тексты (лонгриды) в современной российской прессе / А. В. Колесниченко // Медиаскоп. — 2015. — №1 // URL: <http://www.mediascope.ru/node/1691> (дата обращения: 11.09.2015)
3. Колотиллов В. Интерактивные статьи, которые учат по-новому рассказывать истории / В. Колотиллов // URL: <http://mediakritika.by/article/2212/interaktivnye-stati-kotorye-uchat-po-novomu-rasskazyvat-istorii> (дата обращения: 22.09.2015)
4. Бозрикова С. А. История нарративной журналистики в России / С. А. Бозрикова // URL: <http://www.academia.edu/3684620/> (дата обращения: 14.09.2015)
5. Медиаконвергенция и мультимедийная журналистика: Материалы к обучающим семинарам / Сост. С. Балмаева. — Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, Кабинетный ученый, 2011. — 148 с.

УДК 398.2+316.776 (+13)
DOI: 10.17223/23062096/4/30

Т. И. Сулова

Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники

ИНТЕРНЕТ-ФОЛЬКЛОР КАК СРЕДСТВО КОММУНИКАЦИИ

Феномен интернет-фольклора в статье рассматривается как одна из ярких форм современной коммуникации, своеобразие медийного общения. Автор утверждает, что бытование фольклора в веб-пространстве позволяет сохранять основные традиционные ценности культуры не в качестве музейных реликтов, а живых и подвижных форм современной художественной практики и культуры. Конструирование, изобретение традиций усиливается с возникновением новейших информационных технологий, человек же обращается к реконструкции прошлого для обретения новых опор бытия в реальном мире через сетевое творчество.

Ключевые слова: интернет, фольклор, традиции и инновации, симулякр, сетевое сообщество.

The phenomenon of Internet-folklore article regarded as a form of modern aesthetic consciousness. The author argues that folklore in the web-space allows you to store basic traditional values of the culture is not as museum relics, a live and mobile forms of contemporary artistic practice and culture. Design, invention of tradition is enhanced with the emergence of new information technologies, and man is drawn to the reconstruction of the past to support the acquisition of new life in the real world through a network creative work.

Keywords: Internet-folklore, tradition and innovation, simulacrum, society of network.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС, с одной стороны, способствует гомогенизации, становлению единого мира, с другой, — обостряет в силу усиления интенсивности и глубины межкультурного общения проблему межкультурных различий и культурной экспансии. Современные средства коммуникации — от Интернета до транспортных средств и новейших технологий, создающих мир комфорта, не вызывают неприятия как

технично-экономический процесс взаимодействия стран и народов, пока речь не идет о культурной составляющей этого взаимодействия. При этом усвоение английского компьютерного сленга, авто- и компьютерной техники Японии представителями иных языковых групп само по себе не способствует сохранению, распространению или экспансии, например, английской или японской культур. Согласно трактовке ряда исследователей, современная ситуация в культуре рассматривается как совокупность альтернативных вариантов развития, имеющих три подсистемы: фазы атрофии, стабилизации и возникновения. В первой преобладают символика и традиции культуры прошлого; вторая является несущим элементом культуры; третья вырабатывает новый тип символических культурных связей. Интернет-культура в фольклорных формах предстает как одна из ярчайших субкультур современности, которая синтезирует все представленные варианты развития современной культуры и вызывает наибольший интерес. Революционные темпы эволюции технических средств, формирования сознания человека, развития демократических институтов направлены на усиление темпов развития социального порядка, в котором каждый человек и культурный феномен обретают значимость как системы. Период трансформаций — время ускорения темпов жизни, вписывание в которые порождает образцы жизни «на скорую руку» или «инстант-культуру». Она основывается на «быстром знании» или смысле, в сущности представляющих стереотипы, архетипы, которые предлагают образцы, цели и способы достижения целей коротким путем. Согласно таблице Плятта-Шкловского-Пряхина, сегодня достигнуты определенные пределы

технологического развития: скорость общения за последние сто лет увеличилась в 10 в 7 степени раз и приблизилась к скорости света; скорость анализа данных в 10 в 6 степени и так же приблизилась к скорости света [1]. Трансформации понимаются как время ускорения темпов жизни. Это приводит к появлению культурных образцов ускоренного темпа жизни как способов адаптации к стремительно «ускользающей реальности» (термин Э. Баумана). Появляется так называемая «инстант-культура». Как пишут В.И. Чупров и Ю.А. Зубок, «инстант-культура» может иметь разные образцы, но их мотивация в сетях не может не детерминироваться собственно национальными, культурными стереотипами мышления и особенностями видения окружающего мира [2].

Наиболее близкими представляются в данной ситуации услышанные в детстве фольклорные песни и стихи, частушка, городской романс и жаргонные формы. Художественное сознание на всех исторических этапах его существования испытывает тяготение к первобытному уровню человеческого сознания. Диалектически сочетая его со стремлением к анализу, люди остаются верны традициям и тогда, когда традиции более не соответствуют новым условиям их материальной жизни. Традиции предстают как формы, в которых движется жизнь общества: это определенные формы действующих институтов, функционирование которых обеспечивается не юридическими предписаниями, а силой человеческого сознания. Устойчивость традиции прямо пропорциональна тому времени, которое это общество жило не просто хронологически, а именно исторической, государственной жизнью, т.е. тому, насколько насыщенно его историческое прошлое, при этом в странах, имеющих богатое историческое прошлое, архаика актуализируется с завидной регулярностью. В художественной культуре России это продемонстрировано в неугасающем интересе художников к традиционным условным формам отображения действительности в искусстве: от средневековья до XX–XXI веков, утверждения модернизма и постмодернизма.

Социокультурные трансформации, произошедшие и осознанные к концу XX столетия, проявляются в вопросе о соотношении традиций и новаций. Распространение массовой культуры, универсализация жизни и современные технологии сделали возможным «изготовление» традиций в культурных инсценировках (А.Г. Ионин). Согласно Ионину, традиция утратила в современном обществе свою объективную основу. Она потеряла свою внешнюю объективность, перестала восприниматься самими индивидами как «вещно-объектная». В силу распространения массовой культуры, универсализации жизни, индивид все более и более не отождествляет себя с принятыми культурными нормами и образцами. Аутентичное воссоздание вещественных элементов культурных традиций реанимирует особенное мироощущение индивида, его жизненный стиль, мышление.

Таким образом, сами традиции утратили свою «естественную обязательность» и превратились в артефакты. Плюрализация культур и образцов жизни сделала возможным «изготовление» традиций, их воссоздание на потребление общественной и политической жизни.

Академик Д.С. Лихачев писал, что «... абсолютно новое «не узнается». Красота является как новое в пределах старого. Чем примитивнее эстетическое сознание, тем для него больше нужно старого, чтобы воспринимать новое. Поэтому так велика доля традиционного в народном искусстве нового времени и в искусстве средневековья» [3]. А.С. Запесоцкий по этому поводу пишет: «Интернет стал питательной средой для «размножения» людей с крайне низкой культурой» [4]. Начиная примерно с середины XX века процессы милитаризации, глобализации, развитие информатизации и биотехнологии оказали решающее влияние на культуру. Постмодерн работает с гипотезой реальности как знака, где знаки ссылаются сами на себя, а не на что-то после их или помимо них. Телевидение, видео, интерактивные игры ведут человека к пассивной рефлексии, которая постоянно генерируется артефактами с большой плотностью информации. Благодаря симулированной медиальной вездесущности людей, знаков и образов появляется особая группа реципиентов, так называемых телеактеров, в рамках концепции «actor-network», которые проходят через разнообразные информационные пространства, не сдвигаясь с места телеэкрана. Поль Вилирио называет это явление «бешеной неподвижностью». Эту стадию культурной парадигмы постмодерна чешский профессор гуманитарных наук И. Бистршицкий описывает как эстетику инстантной гратификации. Он считает, что параллельно с нарастающей степенью пассивной рефлексии беспрерывно повышается искусственность мира, в котором мы живем. Это значит, что одновременно увеличивается разница между датами и фактами, между миром и делами. Симулированная реальность постепенно включает в свой ход все больше знаковых систем с тем, чтобы, в конечном счете, покрыть понятие «реальность» мультипликационными эффектами своих собственных симулякров. Чувство тонких дифференций действительного, верификации реального (Вилирио полагал: реальность отшлифована скоростью), уровень которой повышается скоростью трансляции знаков и кодов, что в конечном результате ведет к потере идентичной фиксации. Для постмодерна ключом к интерпретации служит ситуация в мире, понимаемая как истинное придание значения настоящему времени, поэтому их нельзя выстроить в соответствии с простой последовательностью временного и эволюционного ряда. То есть этим ситуациям нельзя присуждать оценочные критерии, обозначать их как правильные или неправильные. В отличие от модерна это означает, что отдельные версии изложения культурных событий отнюдь не являются решением общественных проблем. По мнению Гидденса, в постмодерне растет внимание к рефлексивности, т.е. идет процесс постепенного включения отдельных аспектов общественной практики и институций в систему чтения. Текст понимается как реальность, и, наоборот, реальность мыслится как текстуальность. При этом репрезентация создается все меньшими средствами, так как взаимная система ссылок рефлексивности создает разные виды рутины естественного, которые изначально разнообразие реального вытесняют. С точки зрения философии и социологии можно говорить о проблематике перевода разных языков-кодов, о модели перевода, которая стано-

вится репрезентируемой формой культурного кода, в который она переведена. Встает со всей очевидностью вопрос о степени достоверности и функциональности механизмов перевода. Таким образом, мы приходим к ссылке Фуко на знание как стратегию инвазии (вторжения), т.е. на знание как на насилие. С этой точки зрения каждый перевод одновременно означал бы маргинализацию или прямое подавление определенных аспектов разнообразного культурного кода оригинала, который передачей достоверно уловить нельзя или же он намеренно вытеснен. То есть таким образом можно осуществлять и разнообразные переписывания репрезентаций, которые выливаются в символическое насилие. Отсюда понятно, что каждая оценка является насилием над определенным типом референтной ссылки в рамках отдельных культурных кодов внутри собственной данной системы. Не будет преждевременным в данной связи вывод о заданности традиции в постмодернизме на уровне символическом, ее отстраненности от истинного содержания. По сути дела речь может идти как о трансляции ценностей, так и о создании новых в соответствии с современной общественной ситуацией.

Осмелюсь предположить, что на основании философии постмодернизма появляется инновационное искусство как эмпирическая мыслительная практика, строящаяся на базовых принципах инновационного арт-сознания современности: игре, иронии, безобразном. Инновации в поле эстетики характеризуются такими понятиями как деконструктивизм, абсурд, жестокость, артефакт, эклектика, текст, гипертекст, симулякр, телесность, повседневность, жест и других. Эти же понятия одновременно представляются нам и в качестве эстетических форм периода перехода в искусстве и эстетике современного нам времени. С позиций сторонников классической эстетики искусство постмодернизма отрицает ценности традиционной культуры, образно-символическую природу искусства. На взгляд автора данной публикации, в инновационной практике постмодернизма не отрицается, а углубляется и расширяется смысловое пространство современного эстетического сознания. Благодаря этому в современном эстетическом сознании и наблюдается сохранение основных традиционных ценностей культуры не в качестве музейных реликтов, а живых и подвижных форм современной художественной практики и культуры. Одним из них и предстает фольклор в интернет-пространстве. Таким образом, современный кризис метанарративов и идеологий модерна реанимирует домодернистский опыт, возврат, порой в игровой ипостаси (как в случае появления интернет-фольклора), к естественным, органическим формам сознания, элементам консерватизма и архаизации, проецируя феномены «новой магической эпохи». Наше время само стимулирует процесс «изобретения традиции», описанный Э. Хобсбаумом [5].

Конструирование традиций, в котором активное участие принимает молодежь, порой искажает их изначальный смысл, так как осуществляется зачастую на уровне профанно-интуитивного сознания и представления, не обремененного интеллектом пользователя сети. Феномен «изобретения традиций» усиливается с возникновением новейших средств конструирования реальности, которое априори при-

суще человеку и обществу, постоянно реконструирующими понимание собственного смысла. Человек обращается к реконструкции прошлого для обретения новых опор бытия в реальном мире через сетевое творчество.

Интернет-творчество

Именно интернет-творчество утверждает антропологические метаморфозы и мутации, актуализированные переходом сначала от слова коллективного, артикуляционно-акустического к слову индивидуальному, визуально-печатному, переходя затем опять к слову коллективному, жестово-визуальному и рукотворному. Виртуальная словесность предлагает сегодня новые, оригинальные способы организации слова и текста. Как и в традиционной культуре, вербальное всегда подкрепляется визуальным: в обряде, жесте, костюме. В Интернет-фольклоре это: знаковые способы передачи интонации, эмоции, темпа высказывания, что наполняет письменный текст живой интонацией и позволяет исследователям обозначить его как «устно-письменный текст», как «спонтанную речь». Попадая в Сеть в письменной форме, такой текст воспринимается как передаваемый из «уст в уста» [6]. Интернет-фольклор сегодня представлен разнообразными жанрово-стилистическими направлениями и течениями: эссе, дневники, жанр письма в гостевых книгах. К наиболее оформившемуся в стилевом отношении относится ставший популярным жанр танкетки. Танкетка представляет собой краткую поэтическую форму, направленную на передачу созерцательного, медитативного настроения.

Примеры танкеток:

Стихи

Украли ночь

(Георгий Жердев)

Не любви

Не меня

(Полина Вилюн)

Песок

в часах моря

(Роман Савоста)

Впервые танкетки появились в сети Интернет (сайт «Сетевая словесность»). Танкетки являются сегодня единственной твердой формой, работающей в новом поэтическом пространстве и не ограниченной традиционно сниженной тематикой, структурирующей поэтическое пространство. Любая серьезная, короткая твердая форма возникает тогда, когда существует многовековая традиция, исчерпавшая практически весь спектр эмоций и чувств, настроений и событий.

Как считают исследователи, возникла она из «болтовни повседневности», и обнаруживает реальную связь с рекламными слоганами, обрывками бытовых разговоров, с SMS, сообщениями на пейджер и т.д.

«Эстетика лаконичных призывов, заложенная в слоганах, обретает в танкетке, с одной стороны, свое новое воплощение, а с другой — иную ипостась... Копирайтеры и креаторы всех мастей, ставшие уже примелькавшимися героями современной литературы (от В. Пелевина

до Ф. Бегбедера и Х. Мураками), получили в танкетке возможность почувствовать себя независимыми от давления «заказа» и обрести путь чистого творчества» [7].

Возможно, они пробуждают у современного человека вкус к лаконичным, быстро проговариваемым произведениям словесного творчества. Это также связано с тем фактом художественной практики, что любой феномен повседневной, нехудожественной жизни рано или поздно находит отражение в каких-либо художественных образах. Как, например, развитие медиа на Западе в XIX веке привело к теоретическому пониманию того, что газета является художественным произведением, а в XX веке — к художественному отражению газеты в реализме, дадаизме, экспрессионизме, а позднее — в сюрреализме, алеаторике, коллажном искусстве и «конкретной» поэзии. На каждом этапе культурной эволюции взаимодействие ее подсистем своеобразно отражает социальные процессы, протекающие в обществе. Носители культуры, принадлежащие к разным социальным слоям, по-разному используют достижения и возможности современной цивилизации и культуры. Социальная дифференциация Интернет-фольклора отчетливо представлена в виде социально маркированных языковых средств, используемых говорящими тех или иных общественных групп в зависимости от условий коммуникации, от функционально-стилистических характеристик речи. В зависимости от социальной дифференциации общества подразделяются в филологическом анализе языковых групп на два класса: стратификационные и ситуативные. Ситуативная вариативность находит свое выражение в дифференцированном использовании языка в зависимости от социальной ситуации. С понятием социальной ситуации тесно связано понятие сферы общественной деятельности. Таким образом, понятие сферы коммуникативной деятельности вводит в структуру социальной дифференциации языка еще два измерения — функциональный стиль и «контекстуальный стиль» (термин У. Лабова). «В отличие от функциональных стилей, соотнесенных со сферой коммуникативной деятельности, т.е. обобщенным типом социальных ситуаций, «контекстуальный стиль» соотносится непосредственно с конкретной социальной ситуацией, с ее ролевой структурой», — пишет А.Д. Швейцер [8].

Использование языка в различных языковых ситуациях может быть представлено в виде континуума переходов от ситуаций, характеризующихся предельно официальными отношениями между коммуникантами и сугубо официальной обстановкой, до ситуаций с предельно неформальной обстановкой общения и неофициальными отношениями коммуникантов. К последнему типу общения и относится практически анонимное общение в Интернете. Фольклор в данном контексте берет на себя роль «роль посланца эпох, является напоминанием об истоках культурного знания носителей языка» [9]. Современный фольклор — это особое средство производства, передачи, переработки и хранения культурной информации. Интернет-фольклор, с одной стороны, является средством сохранения и развития традиционной культуры, с другой, в нем проявляется равно-

душие к своей стране и даже сознательное отчуждение от нее и родного языка. Сам способ изложения текста в Интернет-фольклоре, принципы его построения тяготеют к устной форме высказывания. И «классический искусственный синтетизм стремился воссоздать архаический синкретизм, исподволь возвращающийся сегодня благодаря мультимедийным технологиям», — говорит по этому поводу А.А. Петрова [10]. Когда Э. Фромм в 1923 г. в статье «Психоанализ и социология» сетовал на бытующий в социологии подход к человеку как к среднестатистической единице, обладающей некоей среднестатистической душой, то это была всего лишь метафора. Теперь же это становится реальностью. Тот же процесс, который привел к формированию «толпы на дому», явился и причиной феномена, когда сама индивидуальная душа человека в массовом информационном обществе стала массовой. Образуется ситуация самоорганизации и самоуправления общества на основе сращения человека и информационных сетей в единых технологиях общей системы. Эта система имеет свою логику развития и свои законы функционирования.

Социальный аспект

Важными элементами социальности выступают сети межличностных отношений, обеспечивающие взаимодействие, поддержку, идентичность с присущими им (сетям) способностями обработки информации. Ориентация в сети требует определенных знаний, изменяющихся под воздействием смены индивидуальных смыслов и потоков «сообщений», обозначений «свой-чужой». Но сеть с ее узлами и связями является инфраструктурой процессов. Сеть — это «следы плетения» (Б. Латур). Иерархические структуры и институты социализации все больше дополняются общностями, преимуществом которых является не столько их масштаб, сколько высокая степень идентичности, разделяющая своих и чужих. Е.С. Козлова в своем исследовании ссылается в качестве примера на наиболее часто встречающийся в сети ксеноразличительный аспект, отражающий выделение признаков «свой» — «чужой» в словарном составе языка [11. С. 16]. Это проявляется в заимствованиях из других языков. А поскольку подавляющее большинство слов — англицизмы, самыми распространенными метаоператорами являются переводы с английского: Твиттер происходит от английского слова *tweet* — «щебетать». Среди невербальных метаоператоров очень широко используются кавычки: Россия находится среди главных «ньюсмейкеров» современного мира. К фольклорным формам тяготеют представленные в интернете разговорные стратегии диалога, свобода от внешней редакции и отсутствие визуального контакта с собеседником. Все это способствует тому, что речь участника общения при оценке заимствований становится свободной, раскрепощенной, позволяет ему употреблять в текстах элементы, допустимые при неофициальном общении, как то: не слова, а белиберда какая-то; убил бы за такие слова; это ужас какой-то; не фиг англицизмы вставлять в русскую речь и др. Что в классическом фольклоре относится к жесто-мимическим формам, театральным средствам, в интернет-пространстве представлено не-

вербальными метаоператорами выражения оценочных смыслов. Это эмодзи, традиционные кавычки и другие графические средства.

Подобно традиционному фольклору, в рефлексивах Интернет-творчества субъект оценки обычно занимает четко обозначенную позицию с указанием местоимения «я», глаголами ментальной сферы и вводными выражениями, подчеркивающими личное отношение индивида к объекту оценки (я вот подумал, до меня дошло, откровенно говоря, как по мне, имхо и др.).

В интернет-пространстве создаются сетевые сообщества со своими художественными вкусами, пристрастиями, этическими нормами и правилами общения, социальными механизмами, строящимися на общности языковой стилистики и культуры. Одновременно с этим происходит трансформация социальности, сетевой формат усиливает значимость коммуникативных сообщений, делает социальные связи более гибкими и мобильными. Это может приводить зачастую и к переструктурированию общества. Но сеть предоставляет модель статичности, а не динамики, как утверждает Д.В. Иванов [12. С. 9]. Например, Б. Латур даже предлагает заменить термин «network» неологизмом «worknet» с тем, чтобы показать: сеть с ее узлами и связями — это следы «плетения» [12. С. 15]. Социально-стратификационный аспект выражен слабо, что вызвано, по всей вероятности, абсолютно демократическими условиями общения в Интернете. Рефлексивы, направленные на переход автора высказывания из одного стилистического регистра в другой, крайне редки. Классифицирование заимствований в социально-стратификационном аспекте демонстрирует осознание связи той или иной лексической единицы с ее использованием в определенных стратах общества.

Так, в близком по проблематике диссертационном исследовании Е. Козловой читаем: «Рефлексивы указывают на связь употребления лексемы с материальным положением человека (метаоператоры: богатые называют себя..., это слово понятно богатым: истинный смысл слова «дауншифтинг» понятен богатым людям, успешным коммерсантам и бизнес-леди. Так называется отказ от карьеры и больших доходов ради простой жизни поближе к земле) или его сферой деятельности, обычно профессиональной (метаоператоры: между собой они называют..., в академических кругах это называется..., так принято говорить у... : Этот прибор называется телеметр, но телевизионщики между собой говорят «пиппметр») [11. С. 21].

Социально-стратификационные различия происходят незаметным, а главное стилистическим образом. Иначе говоря, метаязыковые проявления стилистического аспекта классифицирующей функции рефлексии переводят высказывание из одного стилевого регистра в другой при помощи метаоператоров попросту говоря, если сказать просто, иначе говоря: «Будешь у нас по лансервису работать, грубо говоря, посредником между сборочными конвейерами и кладовщиками».

Молодежная субкультура актуализирует различ-

ные измерения религии, синтезируя их, активизируя процесс поиска путей синтеза операционного опыта. Для феномена молодежной субкультуры, обусловленного трансформациями культурной сферы, характерно стремление к переживанию трансовых и экстатических состояний, тяготение к восстановлению и синтезу в Базовой культуре идеациональных начал. Молодежной субкультуре присуща предрасположенность к реализации архаических идей, культу и стремление к индивидуализации. В кодификации посредством молодежной субкультуры проявляется тенденция радикальной «селекции» культурного опыта, отбирающей то, что можно воспринимать на веру, сделав сакральной опорой. А это и есть традиция, представленная средствами интернет-фольклора и типом мышления, ориентированного на воспроизводство продуктов идеациональной культуры и критику рационализма. С другой стороны, как считает исследователь Э.И. Паин, поворот молодых к архаике лишь кажется таковым, на самом деле — это новации, переодетые в традицию, представляющие «воображаемое прошлое» [13].

Интернет дает возможность самого быстрого способа общения, формирующего новые интерактивные коммуникации. Иными словами, происходит «подъем» коммуникаций средствами традиционных культурных начал.

Литература

1. Пряхин В. Проблема радикального увеличения продолжительности жизни // Человек. — 2012. — №4. — С. 84.
2. В.И. Чупров, Ю.А.Зубок. Социология молодежи. — М., 2011. — С. 297.
3. Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя // Новый мир. — 1994. — №6. — С. 117.
4. Запесоцкий А.С. Человек в информационно-коммуникационных сетях / Материалы круглого стола // Человек. — 2012. — №5. — С. 76.
5. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. — 2000. — № 1 (8). — С. 47-62.
6. Радченко Д.А. Современный кинематографический анекдот в условиях сетевой коммуникации // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. — М., 2006. — Т. 3. — С. 307.
7. Верницкий А., Циплаков Г. Шесть слогов о главном // Новый мир. — 2005. — №2. — С. 157.
8. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация языка. Онтология языка как общественного явления. — М., 1983. — С. 196-197.
9. Ковшова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака // Вопросы филологии. — 2006. — №3. — С. 12.
10. Слово в экранной культуре: виртуальность вербального // Традиционная культура. — 2007. — №3. — С. 29.
11. Козлова Е.С. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей литературного языка (начало XX –XXI века). — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Томск, 2012.
12. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. — 2012. — №4.
13. Паин Э.И. Волновая природа подъема традиционализма на рубеже XX–XXI веков // Общественные науки и современность. — 2011. — №2. — С. 47.